

18+ Антонина Ивановна Андреева

Моя жизнь, 2. Тольятти

«Пусть жизнь течет. Пусть боль в груди
бывает. Не унывай — живи, люби, дыши
Ведь лучше не бывает...»

Антонина Андреева
Моя жизнь, г. Тольятти

«Издательские решения»

Андреева А. И.

Моя жизнь, г. Тольятти / А. И. Андреева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-532158-9

«...Берегите маму, дети. Это счастье, что на свете есть такая мама у вас. Я ее люблю так сильно, что мне хочется порой завернуть в платочек синей и носить всегда собой...»

ISBN 978-5-00-532158-9

© Андреева А. И.
© Издательские решения

Моя жизнь, г. Тольятти

Антонина Ивановна Андреева

Благодарности:

Светлана Ивановна Андреева

© Антонина Ивановна Андреева, 2021

ISBN 978-5-0053-2158-9

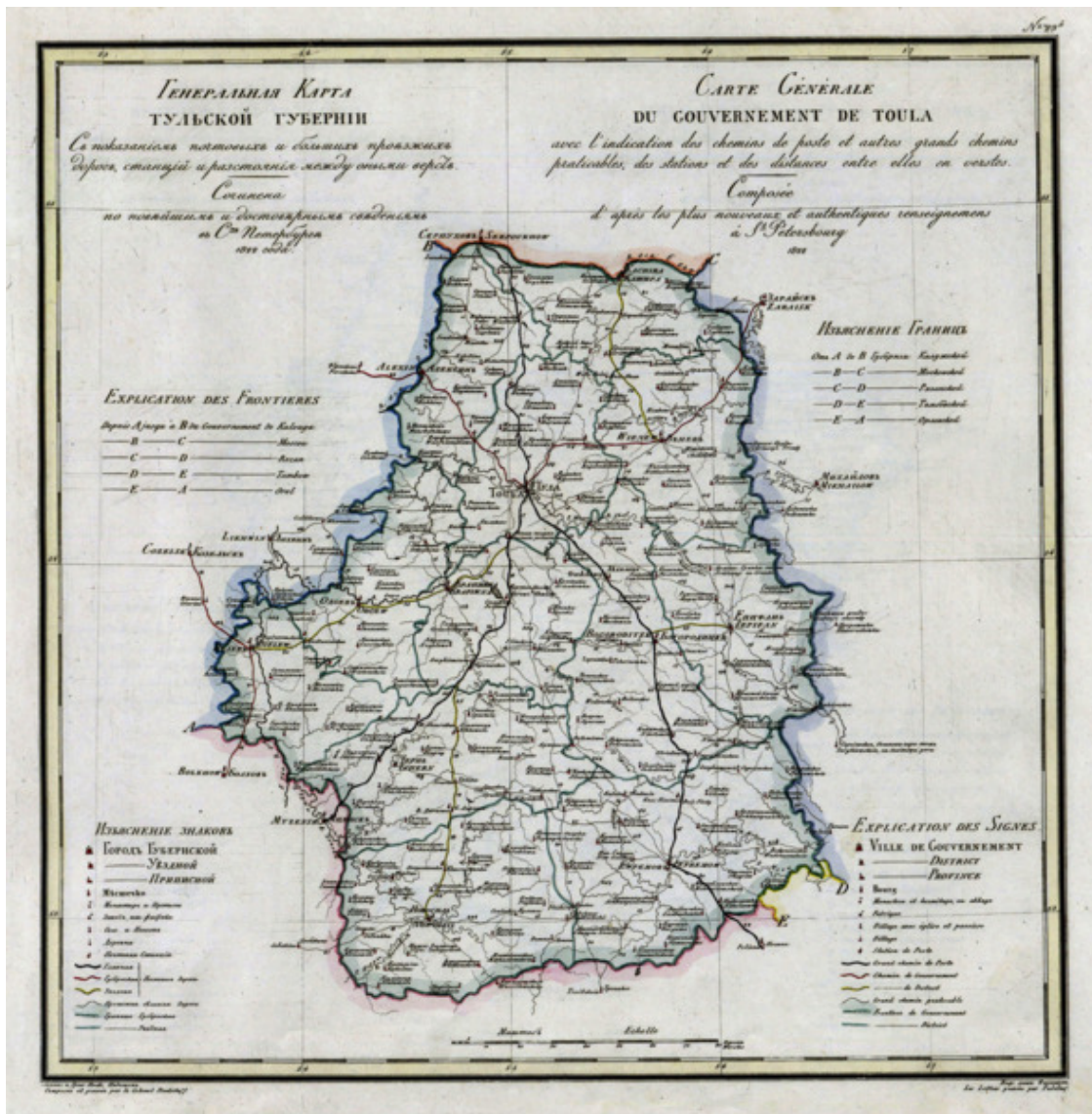
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Моя жизнь. г. Тольятти.

Новодеревенский район Орловская обл.

Д. Гнидовка – с. Косарево.

Напишу про жизнь свою, все как есть, не утаю. От рождения до седин, просто так и без причин. Родилась я год такой, бурный страшный, не простой. Год тридцатый, где тогда был и голод, и нужда, где каждого двора уводили скот и птицу, собирали всех в колхоз – сколько слез. Я немного подросла, но внезапно заболела, мама, милая моя, спеленала, как умела, понесла к врачу скорей, по дороге так устала и колодец увидела, где поили лошадей, птиц домашних и зверей. На пеленку положив, ноги вымыть захотела, наклонилась над водой – боже милый, боже мой! Я в воде так бултыхалась, рубашонка надувалась, мама милая схватила и так сильно завопила, от испуга хворь исчезла и вернулась домой с дочкой милой, не больной. Трудно стало жить в деревне: хлеба нет, дрова исчезли, печку нечем растопить, дети плачут на палатах, и родители решили надо ехать до Сибири или лучше в Красноярск, где живет сестра с семьей многочисленной – большой. Вот настала, и весна наша дружная семья в путь в дорогу собралась “ комфортабельном купе “ и вагон такой большой – печь “ железная » посреди и полати по боком, были птицы и собаки и народ позарез. Остановка на перронах, много люда из вагонов все бегут за кипятком, кто с бетоном, кто с ведром. Шума много, разговоры, жили дружно, без укоров. Месяц целый мы ползли – все проели, что могли. Ну а дальше, встречи, слезы, пролетели и морозы, снег убрался и трава зеленая у двора.

Вот пасхальные деньки и счастливы, и горьки. Мама плачет и от боли, от тоски нет денег, ни муки. Младший брат Алексей в колыбельке лежит, соску хлебную сосет и не плачет, не поет. Слезы матери горьки, видеть детям нету мочи, плачут тихо до полночи. Утром в пасху зять встает и батон отцу дает, на кусочки режет он, возмущен и разозлен. Всех детей он наделяет, вот и в жизни все бывает. Время шло он работал братья тоже помогали. Мать смирилась, но глаза полны печали, слезы изредка сверкали. Мы росли и в доме часто раздавался детский смех, хоть порой мы голодали, но не ведали печали.

Мне хотелось написать, кто я родом и откуда и из детских тех глубин, мне запомнилось немного: тихий ветер, разговор, дети маму окружили, от восторга рты раскрыли и боялись пропустить слово, сказанное мамой, о далекой старине о ее тяжелом детстве и о юности ее, о революции и скитаньях, обо всем любила мать вечерами вспоминать. В 18 лет своих на маму свалилась много бед, умерла от тифа мать, и сама она слегла, в доме пусто, детей не чем на кормить. Пять сестер еще осталось, по деревни все бродили и на жизнь себе просили. Мама чудом поднялась и забрав четверых сестер с собой на Украину увезла. Рассказала, как трудно было ей сестер увести, поезд ходил редко, а она словно насадка, их боялась растерять, но с великой божьей силой она их уберегла и устроила детей по домам, кто побогаче, чтоб смогли они прожить, лихолетье пережить. Отец матери моей был портной в селе известный, этим семью он кормил, но семья была бедна и наделама небогата два надела у семьи, на отца и на брата. И однажды, в год суровый, отец на заработки пошел и с тех пор не вернулся, заболел в пути и умер, где схоронен не известно. Вскоре мама вышла замуж, но не долго пожила, умер муж, она вдова, вышла замуж за отца, тоже бывшего вдовца. Мой отец жил богаче, занимался мастерством и надел земли большой, много братьев, все женаты, жили все одной семьей. Крепко дед держал семью. Годы шли пришел колхоз, все спустили под откос. Каждый брат завел свой дом, живность вся при нем. Но не долго жили в мирно, друг на друга доносили и подворье разорили, голод стал и нищета, разбрелись кто-куда. Наш отец в Сибирь подался, ничего не испугался, был он молод и силен и умом не обделен. Сколько б не жили в Сибири наша мама отец вспоминали дом родной. Спелых вкус прекрасной вишни, запах груш и яблок вкус и мечтали всей семьей в дом вернуться свой родной. Мамина младшая сестра вышла замуж и уехала в Москву из своих сестер красотой отличалась, была ростом высока, тонка станом, ее русская красота многих головы кружила, мою маму и отца, как родителей любила, приглашала жить в Москву. До войны отец не раз приезжал в Москву – столицу и хотел с большой семьей рядом с тетей поселиться, но нагрянула война, всем досталась с полна, снова горе и беда поселились в каждом доме, вера в то, что наш народ победит всех супостатов, не согнет он головы, будет гнать их до Берлина. Нам вселили веру в жизнь, мы победы дождались! Не могу

никак уснуть, мысли в плен меня берут, вспоминаю все как было, чтобы сердце не шемило. Детство милое мое, как коротким оно было, мы так быстро повзрослели, словно годы пролетели. Начиналась война, она страшная была. В Красноярске голод, холод, люди гибли на ходу при одном воспоминанье, словно в стужу я дрожу 10 лет тогда мне было, ростом я была мала и толстушкой была. В годы страшной той войны помогали чем могли, мой братишка был так мал, но с углем мне помогал, по вагонам лазал быстро, словно маленький мышка, промелькнет то здесь, то там и мешочек наберет и сестренке отдает. Мы в мешок потом с сыпали, с силой санки мы толкали, через рельсы, под вагоном, спотыкались, но тащили, сколько было в детской силы. Многодетная семья очень дружная была. Наша мама всех любила и кормила и поила, зимней стужей с топором в поле землю ковыряла и картошку там искала. Ждали мы ее с тревогой и молились всегда, чтобы мама возвратилась невредимой, не пуста. Больше суток иногда наш отец еле ноги волоча, от усталости такой нужна ласка и покой. Мы отца любили очень, окружали все гурьбой и все хотелось рассказать и похвалы услышать. Он похвалит приласкает, если надо поругает. Говорит всегда и всем **“ берегите маму дети, это счастье, что на свете есть такая мама у вас, я ее люблю так сильно, что мне хочется порой завернуть в платочек синий и носить всегда собой”**. Наш отец был справедлив, не любил, когда кто лгал и за это нас ругал, но по -своему спокойно, без каких – то грубых слов. Война, война, забыть нельзя, сколько слез нам увидеть привелось голод, холод и нужда поселились с нами рядом.

Есть хотелось всегда и однажды я тайком, не ключом, а гвоздиком чемодан жильца открыла, хлеба в страхе отломала и замок опять закрыла. Постоялец все узнал и отцу тогда сказал, посмотрите замок открыт, хлеб отломлен, это кто-то из детей в чемодан ко мне забрался. Наш отец так растерялся, слова даже не сказал, всех детей в кружок собрал и спросил, кто в чемодан к нему залез, кого попутал злобный бес, кто не справился с собой, хлебец взял

не свой, чужой. Признавайтесь я прощу. Все молчат, от страха я ни жива и не мертва. Долго ждал ответа он, было видно он взбешен говорит он нам тогда: перед вами вот топор, на икону положу, этим вора накажу. Слезы льются у меня – этот хлеб ukrала я. Отец со мной провел беседу и тихо так он говорил. Их поезд бомбой разбомбило, жену его волной накрыло, из дыма сына он спасал, жены он больше не видал; и у кого ты хлеб ukrала? Кто своей жизнью сына защищал, под взрывом бомб земля дрожала, а ты ведь это не видала, живешь спокойно с семьей, зачем же дочка хлеб ukrала? Мои слова пусть будет в прок и предадут тебе урок. Его слова запали в душу, его завет не нарушу. В школе я училась в третью смену, потому что в других школах с фронта раненых лечили. Были в госпиталях и концерты там давали, я стихи читала им, аплодировали нам, нежно нас раненые обнимали, в щеки наши целовали, их глаза полны печали и шершавой рукой слезы вытирали. Перевязаны бинтами и страшны их были раны, у кого глаза в бинтах, у кого рука и ноги на носилках приносили тех бойцов, что не ходили. Были рады нам всегда, детских смех – бальзам для них. Рядом с ними мы сидели, тихо песни мы им пели. Война, как трудно было, детство кончилось давно и свои 12 лет я настолько повзрослела, видя горе и беду, и сама была в бреду, много нищих и сирот, но добрее был народ, помогали, чем могли. Вот и я в 12 лет помогала строить речной порт, подносила кирпичи и под тяжестью такой голова клонила к низу на спине мы их носили. Надевали нам ремень, между ними доску кладут и четыре кирпича к спине, нежно прижимались, руки сами по себе от натуги наливались. Я “ ползла», но не сдавалась. Нам рабочие кричат: дети быстро – кирпичи, ведь раствор засохнет скоро. Постарайся детвора, кирпичи нам приносите, да и в школу поспешите. Я работала в порту, помогала и отцу, помогала маме, братьям и сестричкам. Да «конечно», чем могла, чтобы кончилась война. Жили мы возле вокзала и не раз видела я, как девчонки и мальчишки нанимались в извоз. Брали санки, подвозили и за это им платили. Раз мне Лялька говорит санки мы с тобой возьмем и на заработки пойдём, может – быть удастся нам заработать что ни будь. Дело сделано, пошли и хозяина нашли. Из вагона вышел он, очень крупный и силен, ширь в плечах и ноги крепки, сапоги его из меха, перетянуты ремнем. Шуба волчья, шапка добра, меховые рукавицы на больших его руках. К нам подходит и без слов кладет на санки два мешка различного снеди. Довести до “ Моста» рядом с нами зашагал словно гордый генерал. Две девчушки еле, еле воз тащили по снегу, спотыкались и не смели слов сказать, ох не могу. Люди, видя, как девчонки, надрываясь ползут говорят верзиле в шубе. Постыдился бы, помоги, ведь они надорвутся, не под силу груз такой, но он только усмехнулся, замахав во след рукой. Два часа ползли до места и увидели барак. Дочь хозяина встречает, шапку, шубу он снимает, из мешка снесь вынимает, дочке он отдает. У дверей стоим тихо, ждем, когда нас позовет, но “ Медведь» забыл, но верно нас к себе не завет. Нас заметили девчата говорят ему тогда: – Эти девочки наверно вас доставили сюда? – да забыл конечно надо заплатить им за извоз. Из мешка два хлеба вынул черный хлебец круглый маленький такой, под пальто положила и отправилась домой. Моя Лялька по дороге хлебец сразу уплегла, ну а я большой тревогой его до дома донесла. У порога я разделась, силы нет перешагнут, не упала, так хотелось отдохнуть. За столом семья сидела, меня видимо, ждала и отец спросил сердито: – дочка, где так долго ты была? “ Хлебец нежно вынимаю и отцу я отдаю, слезы капают ручьями тихо говорю. Этот хлебец за работу дал крестьянин мне один. С Лялькой санки до моста мы крестьянину везли, мы хотели заработать. Может хлеба иль муку, но, а нам «жадюга этот только хлебец черный дал».

Отец хлебец нежно взял, слезу смахнул украдкой, дочку в лоб поцеловал и рукой своей шершавой по щекам провел моим, взглядом нежным, не суровым, тихо он проговорил: – дочка милая моя, будь здорова ты всегда и за хлебец от души мы желаем, чтоб всегда была счастлива, добра, но прошу тебя родная, ты живи не забывая. Много в мире есть добра, так же много есть и зла. Надо только разобраться, чтоб со злом не повстречаться. Жадных, алчных обходи и доброте стремись всегда, люди добрые помогут, они рядом, за примером не ходи оглянись

и посмотри: вот живут у нас два брата и семья наша бедна, по углам везде нужда, но ведь мы им помогаем выжить в это времена, добротой и вниманием, детским милым разговором, здесь они нашли тепло и надежду, что война будет все ж побеждена. Так катились дни за днями, проходили и года, в нашей маленькой квартирке собиралась детвора. Наш отец читал так много и рассказывал порой сказки, давней стороны и он рассказчик был отменный, все сидели затаись и прослушать не хотели, не шумели, галдели, тихо все сидели. В доме все отца любили, приходили к нам порой, за советом, кто с нуждой. Был он добрый от природы, забывал о себе, приносил обед он в кружке, своей милой детворе. Моя младшая сестра родилась перед войною, очень слабою была, есть хотела, но молчала и у окошечко бывало папу долго поджидала. Вот услышала она шум шагов его усталых, сразу голос подает засмеется и вот она на коленях у отца. Папа кружечку свою перед Зюечкой кладет, по голове проведет, очень тихо ей поет. Мы сестренку все любили, на руках ее носили она очень хорошая, глазки небо голубые, худошава и мила, молчаливая была. Мы росли как в детском саде, братья старшие трудились, а мы младшие учились. В доме шум стоял и гам, к нам соседи приходили в паровозики играли, в чехарду, мяч бросали на бегу. Маме нашей доставалась и полой нас ругалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.